

Анатолий Мигунов<sup>1</sup>

## ПАРАДОКС ИЛИ АБСУРД?<sup>2</sup>

*Аннотация.* В настоящей статье предпринимается попытка использовать в анализе классического парадокса «лжеца» средства, предлагаемые прагматикой. Прагматическая интерпретация данного «парадокса» приводит к двум возможным следствиям: либо это утверждение нормально и не порождает парадокс, либо оно абсурдно, прагматически аномально. Демонстрируется наличие общих принципов в основаниях прагматики и интуиционистской логики.  
*Ключевые слова:* парадокс лжеца, прагматика, интуиционистская логика, речевые акты, пропозиция, утверждение.

Anatoliy Migunov

## PARADOX OR ABSURDITY?

*Abstract.* In this paper an attempt is made to apply the tools offered by pragmatics to the analysis of the classical Liar paradox. The pragmatic interpretation of this “paradox” leads to two possible consequences: either this assertion is normal and does not create a paradox, or it is absurd, and pragmatically anomalous. The paper demonstrates the existence of common principles in the foundations of pragmatics and intuitionistic logic.

*Keywords:* Liar paradox, pragmatics, intuitionistic logic, speech acts, proposition, assertion.

«Критянин Эпименид утверждал: „Все критяне — лжецы“». Это утверждение принято считать парадоксальным, поскольку как согласие, так и несогласие с ним, казалось бы, влечёт противоречие.

Действительно ли это так? Если то, что сказано Эпименидом, истинно, то все критяне, включая Эпименида, лжецы, а, следовательно, сказанное Эпименидом — ложь, что вроде бы противоречит исходному допущению. А раз так, то это допущение ложно, т. е. то, что сказано Эпименидом, есть ложь. Если последнее верно, то по крайней мере некоторые критяне не лжецы. Входит ли в их число Эпименид? Если да, то (1) сказанное им истинно, если нет, то (2) сказанное им есть ложь. Допущение истинности этого утверждения выше было опровергнуто, поскольку приводит к абсурду. Остаётся вариант (2): сказанное Эпименидом есть ложь, т. е. не верно, что все критяне лжецы. Итак, утверждение Эпименида ложно, а Эпименид — лжец. Но за этим рассуждением стоит очевидное допущение, что всякий, кто высказывает истину, в акте этого сказывания не является лжецом, а всякий, кто высказывает ложь, в акте этого сказывания является лжецом. К тому же, если мы называем кого-либо лжецом, то это означает, что сказанное им — ложь. Это, как уже давно ясно, не вполне согласуется со здравым смыслом, т. е. нашим повседневным опытом.

Допущение того, что все лжецы говорят только ложь, невыполнимо точ-

---

<sup>1</sup> Мигунов Анатолий Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета.

Anatoliy I. Migunov, PhD, docent, department of logic, Saint Petersburg State University.  
a.migunov@spbu.ru

<sup>2</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00650.

но по той же причине, по которой невыполнимо допущение, что существуют люди, которые говорят только истину. Мы знаем: чтобы говорить истину, мало быть честным, надо ещё знать, в чём она состоит. Говорить ложь проще, но и для этого тоже мало быть лжецом, надо ещё знать, что истина, а что ложь. И то и другое предполагает допущение всеведения, чем никакой человек не обладает. Кроме того, надо различать ложь как истинностное значение пропозиции, и ложь как действие, совершаемое субъектом речи. Честные, бывает, лгут, а лжецы говорят правду, не подозревая об этом. Лжец тоже может заблуждаться и, заблуждаясь, высказывать истинные пропозиции. Того, чьи утверждения оказываются ложными, мы не всегда называем лжецом, поскольку человеку, в том числе даже нам, случается ошибаться, заблуждаться. Кажется, что никакого парадокса в этой ситуации сказывания нет.

Возможно, что суждение Эпименида истинно, а то, что Эпименид лжец, не делает необходимо ложным каждое произносимое им высказывание, и в частности это. В таком случае, действительно, все критяне лжецы, включая Эпименида, но сказанное им истинно. Но возможно, что это суждение ложно, и не все критяне лжецы. В этом случае Эпименид может быть как лжецом, в чём мы склонны подозревать того, кто утверждает ложь, так и не лжецом, поскольку мы знаем, что и честные люди иногда заблуждаются.

Это «рассуждение простеца», опирающееся на здравый смысл, повседневный опыт, казалось бы, снимает флёр парадоксальности с этого классического образца, превращая его в обыденное, нормальное суждение. Точно так же некто мог сказать: «Снег бел». Если снег бел, то в этом случае этот некто, известный всем лжец, сказал правду или ошибся, намереваясь солгать. Если вдруг выяснится, что снег в этом месте вовсе даже не белый, то это только подтвердит наше прежнее отношение к этому человеку как лжецу. Но то же самое могло случиться и с честным, — в первом случае он подтвердил бы тем самым, что он честен, а во втором — мы бы сказали, что на этот раз он ошибся, что может случиться со всяким честным человеком.

## 1

Но представленный выше здравый смысл имеет и другие, более фундаментальные основания. Дело в том, что, как только мы пытаемся давать оценку высказываниям в связи с характеристиками субъекта речи, когда эти характеристики детерминируют, например, истинностное значение высказывания, или фиксируемые характеристики высказываний задают определённые характеристики субъекту сказывания, — всякий раз в этом случае мы переходим в область прагматики, а значит, должны считаться с её законами, законами речевого поведения. В мире речевого поведения, которое является объектом изучения и описания прагматики, пропозиции перестают выполнять самостоятельную функцию элементарной единицы дискурса, элементарными единицами речевого поведения являются атомарные речевые действия.

Именно эти речевые действия связывают и сами являются разнообразными способами связи пропозиции и субъекта речи. Но, чтобы вести корректный, более или менее строгий и осмысленный разговор на эту тему, нам надо договориться о смысле используемых нами ключевых для данной темы терминов. Понятно, что для естественного языка, в котором мы ведём обсуждение, эта задача в конечном итоге не выполнимая, что, безусловно, для естественного интеллекта является скорее естественным состоянием, нежели трагическим, но стремление к определённости и строгости рассуждения является для него же необходимым условием. Здесь надо согласиться с Дж. Коркораном, который, стремясь внести ясность в термины, тем не менее признаёт:

Двусмысленность (или многозначность) и нечёткость (или неопределённость) являются двумя из самых распространённых лингвистических явлений. Мой совет состоит в том, чтобы признать их и привыкать к ним. Пишущий вполне может использовать неоднозначное выражение, не будучи двусмысленным. Пишущий может использовать неопределённое понятие, не будучи, при этом, обвинённым в неточности. Аристотель советует нам не стремиться быть более точным, чем это требуется предметом речи (Никомахова этика, Книга первая, III). (Corcoran 2009: 80)

Но в то же время мы, соглашаясь с призывом называть вещи их собственными именами, обязаны вносить ясность и порядок в систему имён той предметной области, которую мы пытаемся постичь. В нашем случае предмет речи требует внесения большей определённости в такие термины, как предложение, суждение, утверждение, пропозиция, речевое действие (сказывание), субъект речи.

## 2

Начнём с определения того, что такое субъект речи, чтобы ясно было, что значит «сказать» что-то о чём-то. Субъектом речи некто является не тогда, когда он что-либо произносит. Сама способность производить членораздельные звуки, воспроизводить соответствующие фонетические конструкции, принадлежащие определённому национальному языку, упорядоченные согласно правилам этого языка, включающие в себя лексические единицы из словаря этого языка и т. п. ещё не означает быть субъектом речи. Быть субъектом речи — значит понимать то, что произносится, толковать, интерпретировать сказанное, поскольку именно в этом акте толкования, т. е. в процессе понимания что-то может стать сказанным. Быть субъектом речи означает быть разумным слушателем. Говорящий является субъектом речи только в том случае, если он слышит, т. е. понимает то, что он говорит. Ни попугай, ни безумец не могут быть субъектами речи. Если я не понимаю то-

го, что сам произношу, то я в этом акте произнесения отсутствую как субъект речи. При том, что слушатель может истолковать произнесённое мною и обнаружить в этом возможно даже глубокий смысл, незаурядную мудрость. В этом случае не я являюсь автором этого смысла, эта мудрость принадлежит слушателю, т. е. тому, который, как может показаться, её обнаружил в моём акте произнесения. Но в самом акте произнесения/написания нет мысли, её рождает слушатель, который превращает этот акт произнесения/написания (чей-то или свой собственный) своим вслушиванием/чтением в акт рождения его мысли, и поэтому он является действительным субъектом этой мысли. Причём для другого слушателя в этом акте речи ничего не откроется в силу немощи его разума, или откроется нечто совсем другое. Как известно, для мудреца и в шелесте тростника может открыться глубокий смысл, а для глупца и притчи соломоновы пустой звук. И справедливо замечает А. В. Вдовиченко: «...самозначащий „язык“ не может рассматриваться как корректный теоретический объект» (Вдовиченко 2008: 86). «Другими словами, реально произносимые слова, абстрагированные от говорящего, и факты, якобы существующие объективно, не могут быть *само*-значными и *само*-референтными» (Вдовиченко 2008: 87). Смысл сказанного проблематично зафиксировать вне самого процесса речи. Как показывает И. Б. Микиртумов: «По-видимому, не привлекая прагматику языка, нельзя построить теорию смысла, достаточно полную для того, чтобы охватить и парадоксальное и непарадоксальное, поскольку в процессе коммуникации последнее осмысленно только в рамках специфической прагматики, а отношение парадоксального концепта к субъекту нельзя передать как пропозициональную установку, оно является компонентом семантического действия» (Микиртумов 2006: 99).

Мысль не выражается в слове, мысль рождается в слове, не в акте произнесения, а в акте вслушивания, т. е. понимания. Умение читать и слушать, т. е. понимать, являются определяющими для субъекта речи. Умение произнести или даже написать предложение, не является отличительным признаком субъекта речи, это его вторичные признаки, производные от умения читать и вслушиваться, т. е. от умения понимать, мыслить. Поэтому акт сказывания — это акт понимающего говорения, понимать и произносить это два аспекта единого акта. Язык нужен в первую очередь для того, чтобы помыслить, язык — способ рождения и воспроизводства мысли. Этот взгляд на природу языка был ясно выражен уже у В. Гумбольдта, для которого «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energieia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. В строгом смысле это определение пригодно для всякого акта речевой деятельности, но в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. (...) Расчленение языка на слова и правила — это лишь мёртвый продукт научного анализа»

(Гумбольдт 2000: 70). «Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). ...Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» (Гумбольдт 2000: 75). Слово вне прагматического контекста лишается своей коммуникативной определённости, т. е. перестаёт быть словом и превращается в лексис, поскольку никому ничего не сказывает. Именно так слово предстаёт в «говорении» попугая. Понятно, что присутствующий при этом «говорении» субъект речи может обнаружить в звуках, произносимых попугаем некий смысл. Но вряд ли кто-либо решится утверждать, что это было сказано попугаем.

Сказывание — это в первую очередь сказывание-для-себя, т. е. способ обнаружения предмета разумом. Чтобы обнаружить предмет разумом, чтобы помыслить предмет, его надо рассказать, т. е. выразить в языке непротиворечивым образом. Сказывание — это всегда сказывание кому-то, но этот кто-то не только сам говорящий, рождающий таким образом свою мысль, им может быть и другой субъект речи, слушающий, т. е. толкующий, понимающий сказанное. Можно ли сказать, что сказывание-для-себя и сказывание-для-другого — это два принципиально различающихся типа речевых действий, и поэтому только второй является коммуникативным действием, т. е. является иллокутивным актом, а что касается сказывания-для-себя, то этот акт лишен коммуникативной характеристики и является тем, что Дж. Остин называет локуцией, т. е. актом речи, лишённым коммуникативного контекста? Реальность существования такого рода феноменов, т. е. речевого действия, посредством которого рождается мысль, речевого действия, обладающего пропозициональным содержанием, а, следовательно, предполагающего субъекта речи, но при этом лишённого коммуникативной характеристики, представляется сомнительным. Но это тема другого разговора. Для нас сейчас важно зафиксировать другое, а именно, говорящий и слушатель могут быть одним и тем же субъектом речи или разными, но отсутствие субъекта речи, причём, именно в том понимании, которое я выше изложил, делает речевой акт невозможным, по крайней мере, лишает его пропозиционального содержания. Как справедливо замечает А. В. Вдовиченко: «только проекция на коммуникативную ситуацию, которая воспринята лично и в которой реализуется личное действие, позволяет осуществить процедуру смыслообразования — со стороны говорящего или слушающего» (Вдовиченко 2008: 85), т. е., другими словами, только в этом случае можно утверждать, что что-то было сказано.

Итак, элементарной единицей речи является атомарный речевой акт, но единицей речи его делает не просто сам факт его произнесения и понимания его пропозиционального содержания субъектом речи, а определённая коммуникативная функция, выполняемая им. Мы должны различать два аспекта осмысленного речевого действия  $F(P)$ : его пропозициональное содержание ( $P$ ), т. е. мысль, формируемую этим актом речи, и его коммуникативную функцию, или иллокутивную силу ( $F$ ). Явным образом на это указывает, по крайней мере, уже Г. Фреге:

Вопросительное и утвердительно-повествовательное, вопрошающее и утверждающее предложения содержат одинаковые мысли; однако утверждающее предложение содержит и нечто большее, а именно, утверждение (*Behauptung*). (...) Стало быть, в утвердительно-повествовательном, утверждающем предложении следует различать две стороны: содержание, которое общо с соответствующим предложением-вопросом, и утверждение (Фреге 2000: 329).

Но целостная концепция структуры речевых актов представлена в теории речевых актов, прежде всего в работах Дж. Остина (Остин 1999) и Дж. Серля (Searle 1969; Сёрль 1986а; Сёрль 1986б). Речевой акт — это речевое действие, в ходе выполнения которого субъект речи формирует/выражает определённую пропозицию с определённой иллокутивной силой. Речевой акт может выражаться либо в устной речи, либо в письменной. В последнем случае мы его называем *предложением*. Итак, *пропозиция* — это мысль, выражаемая в некоем речевом акте или предложении. Пропозиция может быть истинной или ложной, но в самой пропозиции нет констатации её истинностной характеристики. А. Чёрч пишет: «Смысл предложения может быть описан как то, что осознаётся, когда понято предложение, или как то, что два предложения в различных языках должны иметь общего, для того, чтобы быть корректными переводами друг друга. Как и в случае имён вообще, можно осознавать смысл предложения без необходимости иметь какое-либо знание его денотата (истинностного значения), ничего, кроме того, что он определяется этим смыслом. В частности, при том, что смысл схватывается, может иногда оставаться неизвестным является ли истина денотатом этого предложения» (Church 1956: 26). И далее А. Чёрч:

Традиционные (пост-схоластические) логики имели обыкновение определять пропозицию (*proposition*) как суждение (*judgment*), выраженное словами, т. е. как лингвистическую сущность, как предложение или же как предложение, взятое в связи с его содержанием. Но в обычном английском языке это слово уже давно употреблялось скорее, как значение (в наших терминах — смысл) предложения, и логики в конце концов начали употреблять этот термин в том же смысле. Таков счастливый результат процесса, который исторически обязан отчасти стремлению избежать смешения предложений самих по себе со значением предложений. Это даёт возможность проводить в английском языке такие различия, которые не легко выразить на других языках, и позволяет перевести термин Фреге *Gedanke* термином, который менее вводит в заблуждение, чем слово „мысль“ (*thought*) (Church 1956: 26).

В дальнейшем мы будем употреблять слово «предложение» как письменный аналог речевого акта. Поэтому предложение, как и речевой акт, обладает не-

которым пропозициональным содержанием, т. е. рождает определённую мысль у субъекта речи, а также обладает определённой иллокутивной силой.

В этом контексте мы также должны различать суждение и утверждение с одной стороны и пропозицию — с другой. Дж. Коркоран, сделавший это различие предметом специального детального анализа, констатирует, что *суждение* — некое конкретное эпистемическое событие, которое приводит к новому мнению или знанию. «Но суждение не требует предложения. Возможно, Вы сделали суждение или пришли к заключению и затем, позже решили какое предложение или язык использовать, чтобы выразить его. Оба требуют агента, но ни у какого суждения не может быть аудитории» (Corcoran 2009: 86). С этим трудно согласиться. Невозможно сначала сделать суждение, а потом выбирать язык, на котором его сделать, поскольку суждение всегда, если существует, то в определённой вербальной форме. Мысль и утверждение истинности этой мысли невозможны за пределами языка, а это значит всегда конкретного языка. Да, мы можем в анализе различать предложение, пропозицию и суждение, абстрагируя одно от другого, как мы абстрагируем форму и цвет предметов, рассматривая одно, казалось бы, независимо от другого, но они возможны только вместе. Утверждение — это уже прагматическое событие, у которого есть произносящий его субъект речи и аудитория, определённым образом его толкующая. Оба суть действия, совершённые конкретным человеком, с определённым временем и местом их совершения. В то время как утверждение подразумевает свои импликатуры, у пропозиций нет импликатур (Corcoran 2009: 98). В отличие от суждения и утверждения, никакая пропозиция не является событием. Но пропозиция обладает истинностной характеристикой. Говорить же об истинности/ложности утверждений не вполне корректно. Впрочем, надо согласиться, что «когда мы говорим, что некоторое суждение или утверждение является истинным, то в этом нет ошибки», при том условии, что «предложение „Утверждение, которое вы сделали, истинно“, можно рассматривать как эллиптическое выражение для „[Пропозиция, заявляемая в] утверждении, которое вы сделали, истинна“» (Corcoran 2009: 86).

Коммуникативный акт — это продукт взаимодействия двух субъектов речи, каждый из которых понимает сказанное, определённым образом толкуя его пропозициональное содержание и коммуникативную функцию, и при этом понимает, что его собеседник не только понимает также сказанное, но и понимает, что другой понимает, что он понимает сказанное. В этом процессе взаимопонимания рождается, формируется в речи понимание предмета разговора. Существует большое разнообразие коммуникативных функций, или иллокутивных сил элементарных речевых действий. Это приказы, просьбы, советы, утверждения, обещания, объявления, информирование, провозглашения, шутки, проклятия, аргументы, восторги, и т. д. и т. п. Сказать что-либо и означает всегда совершить какой-то иллокутивный акт, например, посоветовать. Это отличает речь человека разумного от звуков, произносимых попугаем. Попугай может произнести: «Закрой дверь», — но вряд ли он может

посоветовать закрыть дверь. В этом смысле говорящих попугаев не существует. Впрочем, не исключаю, что в животном мире и за пределами *homo sapiens* могут существовать зачаточные с точки зрения их полноценности формы речевой коммуникации.

В прагматике, в теории речевых актов, в частности, всё многообразие иллокутивных сил сводится к нескольким классам. Основным компонентом иллокутивной силы является её иллокутивная цель, на основании видов которой различаются и классы иллокутивных актов. Дж. Серль фиксирует пять видов иллокутивной цели (Сёрль 1986: 194), которую говорящие пытаются достичь, высказывая пропозицию с некоторой иллокутивной силой:

- 1) ассертивная цель — констатировать для собеседника положение дел в мире;
- 2) комиссивная — обязать перед лицом собеседника, говорящего совершить определённое действие;
- 3) директивная — обязать собеседника совершить определённое действие;
- 4) декларативная — изменить мир говорящего и собеседника самим актом речи;
- 5) экспрессивная — выразить собеседнику чувства говорящего относительно положения дел в мире.

Успешность выполнения элементарных иллокутивных актов регулируется существующими в языке неявными конвенциями, которыми руководствуется всякий компетентный носитель языка. Эти конвенции можно сформулировать в виде явных правил пользования. Ч. У. Моррис фиксирует три группы правил, в соответствие со структурой семиотического знания: «*Синтактические* правила определяют знаковые отношения между знаковыми средствами; *семантические* правила соотносят знаковые средства с другими объектами; *прагматические* правила констатируют условия, при которых знаковое средство является для интерпретаторов знаком» (Моррис 2001: 75).

По сути развитием этого взгляда на язык является идея конститутивных правил, предложенная Дж. Сёрлем. Они представляют собой некоторый набор прагматических норм, фиксирующих иллокутивную силу, коммуникативную определённость речевого действия. Для каждого вида иллокуции существует свой комплект таких прагматических правил, позволяющих узнавать и совершать соответствующие речевые действия. Система этих правил позволяет построить как бы «прагматическую семантику» языка, в которой фиксируются коммуникативные значения речевых действий, коммуникативная определённость речи. Через наборы этих правил можно задать определения соответствующих иллокуций.

Когда мы анализируем рассуждения какого-либо субъекта речи, мы должны фиксировать прагматические характеристики его речевых действий, чтобы отличать одни действия от других, чтобы понимать, что именно было сказано, когда что-либо сказывалось, и иметь, таким образом, основания для



рациональной критики сказанного. Это не всегда просто сделать, поскольку здесь тоже важную роль играет коммуникативный контекст, схемы дискурсивного действия. Далеко не всегда, когда собеседник говорит: «Я тебе советую...», — мы толкуем это речевое действие как совет. Несмотря на присутствие иллокутивного глагола, казалось бы, явно указывающего на иллокутивную силу речевого акта, возможен контекст, который заставит нас истолковать этот акт как приказ. Конститутивные правила как раз и фиксируют коммуникативную ситуацию, коммуникативный контекст.

Рассмотрим, что собой представляет иллокутивная сила *утверждение*, т. е. что такое утверждение как речевое действие, каков его набор прагматических характеристик, конститутивных правил. Следуя Дж. Сёрлю, мы можем выделить следующие конститутивные правила для иллокутивного действия *утверждение*:

- 1) Говорящий, произнося данный речевой акт, тем самым принимает на себя обязательство считать пропозициональное содержание этого речевого действия истинным.
- 2) У говорящего должны быть основания считать выраженную данным речевым актом пропозицию истинной.
- 3) Говорящий сам верит, что высказанная им пропозиция истинна.
- 4) Выраженная пропозиция не должна быть очевидно истинной и для говорящего и для слушателя в контексте произнесения.

Если мы уберём пункт 4 из этого набора конститутивных правил утверждения, то получим конститутивные правила суждения, как речевого акта. В утверждении, на наш взгляд, в отличие от суждения, подчёркивается констатация позиции субъекта речи относительно истинностной характеристики выраженной пропозиции, т. е. интенсивность этой констатации выше. В контексте нашего разговора различие между этими двумя иллокуциями не существенно и поэтому ими можно временно пренебречь. Нам важно, что всякое утверждение и суждение предполагает в качестве своего существенного условия выполнения и толкования, то, что говорящий полагает пропозицию данного сказывания истинной и имеет для этого основания, т. е. берёт на себя ответственность за демонстрацию его истинности.

Эти правила характеризуют тот коммуникативный, прагматический контекст, который и задаёт коммуникативную, прагматическую определённую речевому акту. Чтобы ответить на вопрос, что именно было сказано, мы должны фиксировать выполнение этих существующих в языке коммуникативных конвенций или прагматических правил речи. В отличие от такого класса конститутивных правил, как правила игры, которые явным образом прописываются и выполнение которых мы можем явным образом контролировать, выполнение конститутивных правил речи контролировать затруднительно. Ясно, что далеко не всегда мы можем явным образом установить, имелись ли у говорящего хоть какие-то основания утверждать данную про-

позицию или был ли он искренен в своём акте речи. Но то, что мы далеко не всегда можем зафиксировать нарушение этих правил, не означает, что эти правила не нарушаются и что эти речевые действия правильны. Да, мы можем принять за утверждение речевое действие, которое на самом деле утверждением не является. Да, нераспознаваемый обман и заблуждения сопровождают нас во всех сферах жизнедеятельности. С этим надо считаться как с объективной характеристикой наших отношений с миром, в том числе и с вербальным. Выполнение этих правил не так уж сложно проверить, для этого необходимо продолжить диалог. В случае если мы ведём ответственный диалог, мы обязательно поинтересуемся, есть ли у говорящего достаточные основания утверждать данную пропозицию. Также понятно, что трудно доказать истинность того, что ты сам считаешь, как минимум, сомнительным, а то и безусловно ложным. Обнаружение этого факта демонстрирует: то, что вы приняли за утверждение, таковым не является.

### 3

Вот как могла бы выглядеть таблица с интерпретациями подобного толкования *утверждения*, если принимать в расчёт только позицию говорящего и действительную истинностную характеристику пропозиции.

Таблица 1

Субъект речи <i>утверждает</i> , что <i>P</i> , и при этом <i>считает P</i>	<i>P</i>	Прагматическая характеристика речевого действия
истинным	И	Утверждение
истинным	Л	Утверждение-заблуждение
ложным	И	Утверждение лжеца (Ложь)
ложным	Л	Утверждение лжеца (Ложь)

Ясно, что эта таблица носит искусственный характер, поскольку оценка речевого действия даётся абстрактным субъектом, не являющимся реальным субъектом речи, участником диалога. Отсутствует учёт позиции другого субъекта речи, т. е. другого участника диалога, являющегося также полноправным соавтором речевого действия.

Последние две строки нашей таблицы показывают, что (1) следует различать ложь как истинностную характеристику пропозиционального содержания речевого действия, и ложь, как прагматическую характеристику речевого действия. А это означает, что (2) лжец — это не тот, кто высказывает пропозицию, являющуюся ложной, а тот, кто, считая некоторую пропозицию ложной, тем не менее её утверждает. Поэтому, если мы считаем некоторого субъекта речи лжецом даже не вообще по жизни, а лжецом именно в акте данного утверждения, то есть утверждаем и не без основания, что он лжёт,

то из этого вовсе не следует, что истинностная характеристика утверждаемой им пропозиции — ложь. Этим мы только фиксируем иллокутивную цель данного речевого акта, которая прямо не связана с истинностной характеристикой его пропозиционального содержания. Другими словами, не всякий лжец пропозиционально лжец, а не всякий пропозиционально лгущий является лжецом. Характеристика человека как лжеца зависит не от истинностной характеристики пропозиционального содержания высказываемого им речевого акта, а от того, считает ли он сам истинным пропозициональное содержание своего утверждения. Применительно к случаю с Эпименидом это даёт основание устранить кажущуюся парадоксальность его утверждения. А именно, Эпименид, утверждая, что все критяне лжецы, себя к таковым не относит, т. е. лжёт, при этом пропозиция, что все критяне лжецы подтверждается. Именно эта ситуация описывается в 3-й строке таблицы 1.

## 4

Целостный прагматический анализ иллокутивного акта «утверждение» можно представить в виде таблицы, в которой учитываются все возможные комбинации факторов, которые определяют, состоялось утверждение как определённый речевой акт или нет. В литературе, посвящённой прагматическому анализу языка, существуют разнообразные подходы к классификации и различению утверждений. Детализируя прагматические характеристики речевых действий можно строить более детальные классификации иллокуций, например, так как это делает В. В. Долгоруков (Долгоруков 2017) строя классификацию ассертивов по типу эпистемических пресуппозиций и используемых постулатов и языковых конвенций. Тонкий анализ прагматических характеристик утверждения, используя теорию смысла и теорию эпистемических установок, а также набор оценок утверждения, раскрывающих связь смысла, уровня семантической компетентности субъекта, делающего утверждение, и прагматики, строит И. Б. Микиртумов (Микиртумов 2013; Микиртумов 2006). Нам в данной работе важно выделить принципиальные характеристики утверждения как речевого акта не просто как действия субъекта речи, а исходя из его межсубъектной природы. Всякий иллокутивный акт является продуктом взаимодействия двух субъектов речи. Чтобы конкретный иллокутивный акт состоялся, т. е. стал успешным коммуникативным действием, важно, чтобы говорящий совершил речевой акт, который будет таковым как с точки зрения одного субъекта речи — говорящего, так и с точки зрения другого субъекта речи — слушателя. Они оба выступают в отношении всякого речевого действия его субъектами, сформулированные выше конститутивные правила должны выполняться как говорящим, так и слушателем. Совершаемый в диалоге речевой акт является продуктом их совместной деятельности. Мало, чтобы говорящий считал пропозициональное содержание утверждения истинным и имел для этого основания, важно ещё, чтобы (1) слушатель полагал, что говорящий считает пропозициональное со-

держание утверждения истинным, и чтобы (2) сам слушатель считал его истинным. Говорящий может быть искренне уверен, что выполнил все конститутивные правила утверждения, но если слушатель будет в этом сомневаться, то утверждение как определённый иллокутивный акт не состоится. Таким образом, является ли данный речевой акт успешным или нет, зависит от обеих сторон диалога. Кроме того, речевой акт может быть успешным как коммуникативное действие, но не эффективным. Слушатель правильно истолкует речевое действие, но не примет его. Например, он воспримет речевое действие как утверждение, но не примет его, не согласится с ним, посчитав, например, пропозицию ложной. Другими словами, мы вслед за Д. Вандервекенем (Vanderveken 2004) различаем условия успешности и условия эффективности речевого действия.

Таблица 2

№ строки	Субъект речи утверждает, что <i>P</i> , и при этом считает, <i>P</i>	Слушатель полагает, что с точки зрения говорящего пропозициональное содержание речевого акта ( <i>P</i> )	Коммуникативная (иллокутивная) характеристика речевого акта	Слушатель полагает, что пропозициональное содержание <i>P</i>	Интеракционная (перлокутивная) характеристика речевого акта
1	истинным	истинно	успешное утверждение	истинно	эффективное утверждение
2	истинным	истинно	успешное утверждение	ложно	неэффективное утверждение (заблуждение)
3	истинным	ложно	неуспешное утверждение	истинно	неэффективное утверждение
4	истинным	ложно	неуспешное утверждение	ложно	неэффективное утверждение
5	ложным	истинно	успешный обман	истинно	эффективный обман
6	ложным	истинно	успешный обман	ложно	неэффективный обман
7	ложным	ложно	неуспешный обман	истинно	неэффективный обман
8	ложным	ложно	неуспешный обман	ложно	неэффективный обман

Из Таблицы 2 видно, что речевой акт утверждение будет успешным, т. е.

слушатель будет понимать его именно как утверждение, только тогда, когда другой субъект речи, которому адресован этот речевой акт, уверен в том, что говорящий считает его пропозицию истинной, что отражается в строках 1, 2, 5 и 6. Но в действительности, поскольку в 5 и 6 строках говорящий лжёт, в этих случаях будет иметь место успешный обман, т. е. слушатель будет воспринимать речевой акт в качестве утверждения, не подозревая, что утверждением он не является. Эффективным утверждением этот речевой акт будет в том случае, если наряду с условиями успешности будет выполнено и другое — слушатель сам считает пропозицию, выраженную в этом утверждении, истинной, и поэтому не только понимает, что имеет дело с утверждением, но и принимает данное утверждение. Такая ситуация отражается только в 1-й строке. Во второй строке утверждение успешно, т. е. состоялось как этот речевой акт, но не эффективно, поскольку слушатель не принимает пропозицию как истинную. Здесь мы имеем дело с утверждением-заблуждением.

В 3-й и 4-й строках имеет место ситуация, когда в силу коммуникативной некомпетентности слушателя, утверждение не распознаётся, а это означает, что оно не состоялось. Говорящий только тогда может сказать, что он что-то утверждает, когда его акт понимается слушателем как утверждение. Для того чтобы утверждать истину, мало быть честным, искренним и знать, в чём она состоит, надо ещё быть компетентным и умелым оратором и/или правильно выбирать собеседника, слушателя.

Любопытна ситуация, отражённая в строке 5. Это тот самый случай, когда обман удаётся. Говорящий сам не считает, что пропозиция, которую он как бы утверждает, истинна, но слушатель этого не обнаруживает в силу своей коммуникативной некомпетентности или в силу коммуникативной неопределённости речевого акта и верит в искренность собеседника, и поэтому утверждение оказывается успешным, к тому же он сам склонен считать пропозицию истинной, поскольку она непротиворечивым образом вписывается в имеющееся у него знание относительно предмета речи, поэтому утверждение оказывается эффективным. Субъект речи слушатель не подозревает ещё этого, но объективно этот акт речи является эффективным, удавшимся обманом, т. е. за утверждение принимается то, что утверждением не является. Под этот случай попадает и ситуация, когда говорящий, желая обмануть, в силу своей предметной некомпетентности использует истинную пропозицию, которую и слушатель толкует как истинную в силу уже своей предметной компетентности. Этот случай действительно выглядит на первый взгляд странным. Да, содержательно слушатель не введён в заблуждение, он считает истинной пропозицию, которая таковой и является, но коммуникативно это обман, поскольку он принимает за утверждение то, что у субъекта речи, совершающего этот речевой акт, таковым не является.

В 6-й строке мы имеем дело с утверждением-обманом, но успешным, поскольку обман не распознаётся слушателем, в силу сказанного выше. Поскольку же пропозиция слушателем не принимается, то утверждение-обман

не является эффективным, обман не удался в силу предметной компетентности слушателя.

На первый взгляд также кажется странной ситуация, отражённая в строке 7. Действительно, слушатель считает, что пропозиция, выраженная в речевом действии, истинна, и, тем не менее, не воспринимает это речевое действие как утверждение, и, следовательно, не принимает его, поскольку утверждение не состоялось. Не состоялось именно как утверждение, по той причине, что слушатель в силу коммуникативной компетентности понимает, что говорящий, казалось бы, утверждает пропозицию, но сам не считает её истинной. Но состоялось другое речевое действие, которое как раз и характеризуется тем, что говорящий, как бы утверждающий его, на самом деле не считает пропозицию истинной, т. е. лжёт. Это и есть речевой акт, который мы называем ложью, совершить такое действие означает солгать. И это не зависит от того истинна пропозиция на самом деле или нет. Успешность обмана зависит от коммуникативной компетентности слушателя, а эффективность успешного обмана зависит от предметной компетентности слушателя.

Ч. У. Моррис высказывает вполне обоснованное замечание, содержание и следствия которого ещё недостаточно развиты и освоены и требуют дальнейшего обсуждения; а именно, он пишет: «Должно быть ясно, что слово *истина*, как оно обычно используется, — это семиотический термин, который нельзя употреблять с точки зрения какого-либо одного измерения, в противном случае это должно быть эксплицитно оговорено». Т. е. истина должна пониматься в единстве своих трёх (семантического, синтаксического и прагматического) аспектов. В прагматических правилах категория истины обретает прагматические характеристики, т. е. она привязана к субъекту речи. Так, в диалоге не существует «истинности/ложности на самом деле», существует «истинность/ложность для этого субъекта речи», истинность приобретает диалогический, межсубъектный характер. Именно эта истина присутствует в наших утверждениях. В том числе и в тех случаях, когда мы апеллируем к мудрым, наимудрейшим из мудрых. Это всегда истина, которую Я принимаю, которую Я могу обосновать, или не могу, но принимаю.

## 5

Те же основания, которые заставляют нас фиксировать прагматические характеристики речевых актов, что позволяет обнаруживать и исследовать действительные характеристики языка как он есть, те же основания, рождают идеи относительно характера утверждений в языке математики, идеи, которые привели к формированию интуиционистской и конструктивной математики и логики<sup>3</sup>.

Конститутивные правила, которые были сформулированы в прагматике

---

<sup>3</sup> На прагматические коннотации ряда положений, формулируемых в конструктивной математике, указывает также И. Б. Микиртумов (Микиртумов 2006)

относительно утверждений и суждений, по существу повторяются у представителей интуиционистской логики. Гейтинг пишет следующее: «Имеется критерий, при помощи которого мы можем распознавать математические утверждения как таковые. Каждое математическое утверждение можно выразить в форме: «Я выполнил в уме построение А». Математическое отрицание этого утверждения можно выразить как «Я выполнил в уме построение В, которое приводит к противоречию предположение, что можно довести до конца построение А». И утверждение, и отрицание выражены здесь в одинаковой форме» (Гейтинг 1965: 28).

Обязательное требование в интуиционистской логике — различать утверждения и пропозиции. Элементами доказательного рассуждения могут быть утверждения, но не чистые, лишённые иллюкутивной определённости пропозиции.

Другими словами, *утверждающий* пропозицию тем самым заявляет, что соответствующая пропозиция истинна и у него есть для этого утверждения основания, в полном соответствии с конститутивными правилами утверждения, представленными выше. Это явным образом формулируется:

**Формалист.** Разве мы не могли бы сказать, что из  $ab = 0$  следует, что либо  $a = 0$ , либо  $b = 0$ , но мы можем и не знать, какое именно из этих двух соотношений имеет место?

**Интуиционист.** Было бы опасно применять такой неаккуратный способ выражения в таких тонких вопросах. Мы *утверждаем* пропозицию только тогда, когда мы можем её доказать; так, мы утверждаем, что  $a = 0$  или  $b = 0$ , только тогда, когда мы можем доказать одну из этих пропозиций. (...) Если мы используем ваше выражение, то мы должны всегда помнить, что оно имеет смысл, отличный от того, который выражен самими словами» (Гейтинг 1965: 35).

Понятно, что и закон исключённого третьего становится сомнительным, поскольку, утверждая его, мы ничего не утверждаем. То есть слова «утверждение», «пропозиция», как они используются в естественном языке, т. е. в языке на котором рассуждают, в том числе и математики, имеют смысл, отличный от того, который в них пытаются вкладывать «формалисты».

Взять хотя бы определение интуиционистской импликации у Гейтинга: «Импликацию  $p \rightarrow q$  можно утверждать тогда и только тогда, когда мы располагаем таким построением  $\tau$ , которое, будучи объединено с любым доказывающим  $p$  построением (в предположении, что последнее выполнено), автоматически давало бы доказывающее  $q$  построение. Другими словами, построение  $p$  вместе с построением  $\tau$  образовывали бы доказательство  $q$ » (Гейтинг 1965: 123–124). Утверждение, что импликация  $p \rightarrow q$  является интуиционистски истинной, означает, что существует истинная посылка  $r$ , которая может быть востребована для производства  $q$  из  $p$ , но которая опущена в ан-

теценде  $p$ . То есть всякий, утверждающий  $p \rightarrow q$ , обязан иметь пресуппозицию, в которой утверждается, что имеется соответствующее построение, которое, будучи объединено с доказательством  $p$ , даёт доказательство  $q$ . Иными словами, всякий утверждающий пропозицию  $p \rightarrow q$ , считает её истинной и имеет для этого достаточные основания. Как и записано в конститутивных правилах утверждения.

Противопоставляя свой подход к анализу математических рассуждений подходу формалистов, Гейтинг пишет: «Мы же в противоположность этому заинтересованы не в формальной стороне математики, а именно в том типе рассуждений, которые применяются в метаматематике; мы стараемся проследить его до самых далёких следствий. Это предпочтение проистекает из убеждения, что мы здесь имеем дело с одной из самых основных способностей человеческого разума» (Гейтинг 1965: 13).

Пер Мартин-Лёф (Martin-Löf 1984: 2–4; Martin-Löf 1996) ясно разводит суждение и пропозицию: пропозиция обладает истинностной характеристикой, но её констатация — дело суждения (рис. 1),



Рис. 1

и это означает, полагает Мартин-Лёф, что стандартные правила логического следования должны явным образом фиксировать это понимание. Например, правило

$$\frac{A}{A \vee B}$$

подразумевает, что  $A$  и  $B$  — формулы, и мы можем сделать вывод об истинности дизъюнкции только в том случае, если формула  $A$  истинна. Валидные правила и должны это явным образом указывать, т. е. они должны записываться следующим образом:

$$\frac{A \text{ prop. } B \text{ prop. } A \text{ true}}{A \vee B \text{ true}}$$

или

$$\frac{A \text{ prop. } B \text{ prop. } \vdash A}{\vdash A \vee B}$$



Другими словами, высказывающий суждение тем самым утверждает, что соответствующая пропозиция истинна и у него есть для этого утверждения основания. Понятно, что для утверждающего дизъюнкцию в ходе содержательного рассуждения важно знать, какой из дизъюнктов является доказанным утверждением. Различие между двумя дизъюнктивными выражениями, у которых истинны разные дизъюнкты, для него существенно. Утверждение формулы означает констатацию её доказуемости: «Утверждаемые формулы отмечаются знаком  $\vdash$ » (Гейтинг 1965: 124).

Итак, пропозиция сама по себе нейтральна по отношению к истине. Мы, желая выразить истинностную характеристику пропозиции, т. е. приписать ей определённую истинностную характеристику, формируем соответствующую форму выражения этой пропозиции, т. е. соответствующий иллокутивный акт — суждение.

Казалось бы, суждение «*у* ложно» противоречит пропозиции *у*. Но если мы придерживаемся вышеизложенной трактовки, то это, очевидно, не так. Известно, что пропозиция *у* или истинна или ложна, в самой пропозиции нет констатации её истинностной характеристики. Однако *суждение у* противоречит *суждению «у ложно»*.

Поиск общих оснований конструктивной математики и прагматики в определённой философии языка представляется не только интересным, но полезным для выявления философских оснований соответствующих теоретических построений.

## 6

Рассмотренная выше философия языка, определённая концепция его природы, требует иного подхода к анализу сформулированных в естественном языке языковых конструкций, которые кажутся парадоксальными, т. е. порождающими парадоксы. Когда речь заходит о парадоксах, то имеется в виду, конечно, не банальная констатация противоречия, абсурда, а познавательная ситуация, когда такое противоречие является, казалось бы, следствием разумного рассуждения, в котором не нарушаются общепринятые критерии рациональности. Справедливо замечание Е. Д. Смирновой: «На наш взгляд, решить проблему парадокса — не значит просто устранить парадокс. Дело не в этом. Необходимо выявить основания его возникновения, увидеть определённые несогласованности в нашей познавательной деятельности, которые парадокс вскрывает» (Смирнова 2009: 56).

Если мы рассматриваем *утверждение*, то его надо анализировать в некотором коммуникативном контексте, где оно только и может быть или не быть утверждением, за пределами этого контекста анализ утверждения выглядит нелепо, абсурдно, поскольку мы анализируем то, чего нет. То есть мы в этом случае имеем дело лишь с некоторым искусственным, иллюзорным, существующим только в пределах нашего абстрактного воображения, действием. Как если бы мы пытались вообразить полёт птицы вне воздушной

среды и гравитационного поля и при этом пытались его «строго» анализировать с целью обнаружения его объективных характеристик и свойств.

Первоначальные рассуждения простеца, опирающегося на здравый смысл, т. е. повседневный опыт речевого общения, очевидно, подтверждаются теоретическими изысканиями в прагматике. Если критянин Эпименид утверждает, что все критяне лжецы, то это означает, что он считает пропозицию «Все критяне лжецы» истинной. Уже Г. Фреге ясно различал эти сущности. Так отличая мысль от всего, что мыслью не является, он заявляет: «...Я буду называть мыслью то, к чему применимо понятие истинности» (Фреге 1987: 21), т. е. то, что может быть истинным или ложным. Это не суждение. У Фреге формулирование мысли есть акт мышления, суждение — констатация истинности мысли, а не мысль, истинностная характеристика которой нейтральна по отношению к акту речи.

Иными словами, субъект речи всегда определённым образом соотносится с пропозицией, он всегда, утверждает, сообщает, приказывает, советует, просит, предлагает и т. д., и т. п. В случае утверждения субъект речи констатирует истинность пропозиции. Как пишет Г. Фреге:

Констатацию истинности мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом слово «истинный» нам не требуется. И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения как таковой; там же, где оно утрачивает свою утверждающую силу, не может ничего изменить и введение слова «истинный». Это происходит, например, если мы говорим не всерьёз (Фреге 1987: 25).

Или, когда актёр или, например, попугай произносят некоторую фонетическую конструкцию. Все это можно назвать вымыслом.

Вымысел является тем случаем, — пишет Фреге, — когда выражение мыслей не сопровождается, несмотря на форму утвердительного предложения, действительным утверждением их истинности, хотя у слушающего может возникнуть соответствующее переживание (Фреге 1987: 25).

Конституирующим фактором утверждения является определённая позиция субъекта речи, а именно, утверждая пропозицию, он считает её истинной. Уже сформулированное нами ранее конститутивное правило утверждения гласит, что всякий утверждающий *P* обязан руководствоваться прагматической презумпцией «Суждение „*P* истинно“ является истинным суждением», т. е. он утверждает истинность пропозиции и у него есть для этого основания. Утверждение успешно, если субъект речи, совершающий это речевое действие руководствуется этой прагматической пресуппозицией, а субъект

речи, воспринимающий это выражение, уверен, что говорящий имеет эту презумпцию.

Явное различие пропозиции, суждения и утверждения, включающего в качестве своего необходимого условия соответствующую прагматическую пресуппозицию, имеет в качестве своей предпосылки те же фундаментальные основания, которые порождают и другие идеи, связанные со стремлением преодолеть плоскую картину языка, сильно упрощающую и искажающую реальное функционирование языка.

Так, идея Тарского об иерархии языков близка идее о сложной структуре речи. Неразличение пропозиции и суждения, реального акта речи и абстрактного продукта толкования этого акта речи, вынуждает строить что-то вроде сложной иерархической структуры языков, поскольку становится ясным, что работающая дефиниция истины не может быть дана в пределах одного языка. Попытка вынести требование истинности за пределы языка, на котором осуществлено высказывание, не требуется, если мы фиксируем сложную структуру речи, реального способа существования сказывания, и обнаруживаем это требование в качестве пресуппозиции. Когда мы обнаруживаем истинность и ложность как прагматические характеристики речи, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с истинностной характеристикой пропозиции, которая фиксируется в суждении, т. е., например, обнаруживаем противоречие между пропозициональным содержанием утверждения и его пресуппозицией.

## 7

Введём некоторые дополнительные уточнения в толкование терминов «суждение» и «пропозиция». Два утверждения: «Утверждаю, что кошка спит» и «Утверждаю, что пропозиция „Кошка спит“ является истинной» — это два одинаковых иллокутивных акта, но с разным пропозициональным содержанием. В одном случае нечто утверждается о кошке, в другом — о пропозиции.

«Ни одна Пропозиция не может свидетельствовать о самой себе, поскольку пропозициональный Знак не может содержаться в самом себе» (Витгенштейн 2005: 77), но может свидетельствовать о другой пропозиции. Возникает вопрос: ранее было сказано, что если  $P$  — это пропозиция, то « $P$  истинно» — это суждение о пропозиции  $P$ . Но можем ли мы утверждать что-либо о суждении? Да, например, мы можем сказать, что суждение « $P$  истинно» требует обоснования, вполне может оказаться, что суждение « $P$  истинно» является ложным. Можем ли мы вместо этого сказать, что пропозиция  $P$  требует обоснования и что пропозиция  $P$  является ложной? Первое не является тождественным предыдущему варианту, поскольку доказываются утверждения о пропозициях, их ложности или истинности, а сами пропозиции ничего не утверждают. Но утверждение о том, что  $P$  является истинным, тождественно утверждению о том, что высказывание « $P$  истинно» яв-

ляется истинным. Г. Фреге прав (см. выше): добавление слова «истинный» в этом случае ничего не меняет. В том и другом случае неявно заявляется, что соответствующая пропозиция истинна, поскольку это вытекает из конститутивного правила утверждения, которое выступает здесь в качестве прагматической пресуппозиции. Подтверждать это явным образом излишне.

Но возьмём пример с выражением, свидетельствующим явным образом свою истинностную характеристику. Здесь возможны два варианта:

- (1) «Я утверждаю, что данное суждение является истинным»
- (2) «Я утверждаю, что данное суждение является ложным»

Эти два утверждения воспринимаются нами по-разному. Если (1) нашу интуицию не смущает, то (2) вызывает интуитивно протест. Или как бы мы сказали ранее, (1) не влечёт парадокса, в то время как (2) является парадоксальным.

Но в свете сказанного выше парадокса нет в обоих случаях. В (1) его нет, потому, что прагматическая пресуппозиция утверждения, а именно, что пропозициональное содержание данного иллокутивного акта является истинным, повторяет собственную истинностную оценку суждения. То есть получается, что субъект речи дважды повторяет одну и ту же истинностную оценку пропозиции данного утверждения. Это скорее можно назвать стилистической ошибкой. В случае (2) субъект речи через прагматическую пресуппозицию данного утверждения заявляет, что пропозиция истинна, и одновременно с этим заявляет, что она ложна. То есть случай (2) представляет собой вариант высказывания ( $A \& \sim A$ ). Вряд ли мы назовём такое утверждение парадоксальным, это утверждение абсурдно.

Причём иллокутивный глагол «утверждаю» может отсутствовать. Но и в этом случае выражение «Данное суждение является ложным» будет выступать в качестве иллокутивного акта. Как справедливо заметил Дж. Сёрль:

Иллокуции — это часть языка вообще (а не конкретного языка). Иллокутивные глаголы — это всегда часть некоторого конкретного языка — французского, немецкого, английского и т. д. Различия между иллокутивными глаголами — хороший индикатор, но ни в коем случае не надёжный индикатор различий между иллокутивными актами (Сёрль 1986: 172).

Иллокутивные глаголы могут отсутствовать, но это не означает, что соответствующий акт перестаёт быть иллокутивным, т. е. лишается иллокутивной силы. Мы всегда можем её установить, фиксируя схему дискурсивного действия, контекст. В том же случае, когда нам не удаётся это сделать, мы просто вынуждены констатировать, что нам не удаётся прочитать, а то, что не может быть прочитано, не может быть и предметом анализа.

Пропозиции не говорят о себе, но суждение, т. е. иллокутивное действие

«То, что написано в этом суждении, ложь» говорит о содержащейся в нём пропозиции, поскольку появляется интерпретатор, т. е. субъект речи, а это означает, что оно толкуется как определённый иллокутивный акт, т. е. представляет собой случай (2).

Я. А. Слинин справедливо признаёт, что только при определённой идеализации, абстрагировании рассуждения от реальных условий речи, парадокс может быть организован (Слинин 1994). Попытка анализа парадоксов типа парадокса лжеца вне коммуникативного, прагматического контекста порождает парадоксы именно потому, что мы, лишая утверждение действительных условий его существования, лишаем его, таким образом, его собственного смысла. Справедливо замечание А. В. Вдовиченко: «...значат всегда не слова, а целенаправленные действия говорящего, которые имеют место в реальном коммуникативном процессе и которые искусственно элиминированы в логическом способе представления вербального факта» (Вдовиченко 2008: 89). Видимая парадоксальность является в данном случае симптомом, свидетельствующим о возможности языковой аномалии, симптомом, призывающим нас к поиску адекватного толкования.

«Парадокс» «Критянин Эпименид сказал, что все критяне лжецы» — именно тот случай. Эпименид неявно, но определённо заявляет, что считает пропозицию «Все критяне лжецы» истинной. Из этого следует, что Эпименид, так же являющийся критянином, утверждает, что он сам лжец. Рассмотрим возможные интерпретации данной речевой ситуации, опираясь на толкование его условий успешности и эффективности, представленной в Таблице 2:

1. Эпименид в этом акте речи лжёт, т. е. не считает истинной пропозицию, которую сам же, тем не менее, утверждает (строки 5–8).
  - 1.1. Если слушатель это понимает, т. е. полагает, что Эпименид лжёт, то это будет неуспешный обман, и акт речи слушателем будет отвергнут независимо от того, считает ли сам слушатель утверждаемую пропозицию истинной или ложной (строки 7 и 8). Речевое действие не состоится, т. е. ничего не будет сказано. Здесь нет парадокса.
  - 1.2. Если слушатель полагает, что Эпименид искренен, то это будет успешный обман (строки 5 и 6), слушатель истолкует этот речевой акт как утверждение. Но, толкуя этот речевой акт как утверждение, слушатель обнаруживает, что Эпименид заявляет, что он лжец, в то же время заявляя неявно, что он лжецом не является, ведь с точки зрения слушателя Эпименид утверждает то, что и сам считает истинным, т. е. не лжёт. В этом случае прагматическая презумпция вступает в противоречие с утверждаемой пропозицией. Речевой акт будет отброшен как прагматически аномальный, абсурдный. На том же основании, на котором мы считаем прагматически аномальной буквальную интерпретацию утверждения «Я сплю». Здесь также нет парадокса.

2. Эпименид в этом акте речи искренен, т. е. утверждает, что пропозиция истинна, и при этом сам считает её таковой (строки 1–4). В этом акте речи он не является лжецом.
  - 2.1. Если при этом слушатель полагает, что Эпименид, утверждая пропозицию, сам считает её ложной (строки 3 и 4), т. е. является лжецом, то акт речи будет отвергнут как неуспешное утверждение. Для слушателя Эпименид будет представляться лжецом, т. е. утверждение не состоится, ничего не будет сказано и, следовательно, нет парадокса.
  - 2.2. Если слушатель полагает, что Эпименид утверждая пропозицию, считает её истинной (строки 1 и 2), т. е. не является лжецом, то это, казалось бы, должно быть коммуникативно успешным утверждением. Но эта ситуация сводится к п. 1.2.

Если утверждение Эпименида толковать именно как утверждение, т. е. в коммуникативном контексте, исходя из прагматических правил речи, то оно не порождает парадокса, поскольку является либо прагматически аномальным, либо абсурдным.

Конечно, в реальной речевой ситуации руководствующиеся здравым смыслом субъекты речи, склонные к следованию принципу кооперации в диалоге, без труда избегают как парадокса, так и абсурда. У слушателя, который, зная Эпименида, не считает его способным на абсурд, т. е. толкует сказанное им исходя из презумпции его разумности, остаётся только один выход: толковать пропозицию как относящуюся ко всем критянам, кроме Эпименида. Что обычно мы и делаем в подобной ситуации в случае реального диалога. Руководствоваться принципом презумпции разумности собеседника — условие разумности и успешности диалога. Поэтому обычно мы не «вчитываем» в слова говорящего абсурд, мы стремимся истолковать сказанное исходя из презумпции разумности говорящего, и это естественное движение разума.

Предложенный в конце данной статьи анализ «лжеца» мало чем отличается от «рассуждений простеца» в начале статьи. И понятно, почему: тот и другой опираются в конечном итоге на опыт рационального речевого поведения, на опыт соучастия в воспроизводстве естественного языка как условия воспроизводства разума.

## Литература

- Вдовиченко 2008 — *Вдовиченко, А. В.* Парадокс лжеца как коммуникативная стратегия // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик.
- Витгенштейн 2005 — *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат. Пер. с нем. В. П. Руднева // *Его же. Избранные работы*. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Гейтинг 1965 — *Гейтинг, А.* Интуиционизм. М.
- Гумбольдт 2000 — *Гумбольдт, В.* О различии строения человеческих языков и его

- влиянии на духовное развитие человечества // *Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили, послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звезгинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс».*
- Долгоруков 2017 — *Долгоруков, В. В.* Эпистемические пресуппозиции и классификация ассертивов // *Эпистемология и философия науки. Т. 51, № 1, с. 92–105.*
- Микиртумов 2013 — *Микиртумов, И. Б.* Композициональность и её прагматика // *Эпистемология и философия науки. Т. 36, № 2, с. 42–58.*
- Микиртумов 2006 — *Микиртумов, И. Б.* Прагматика утверждения в логической теории смысла // *Общественное призвание философии. Приложение к журналу «Философские науки». М.: Академия гуманитарных исследований. С. 89–106.*
- Моррис 2001 — *Моррис, Ч. У.* Основания теории знаков // *Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М., Екатеринбург.*
- Остин 1999 — *Остин, Дж.* Как производить действия при помощи слов // *Его же. Избранное. М., 1999.*
- Серль 1986а — *Серль, Дж. Р.* Классификация речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс. С. 170–194.*
- Серль 1986б — *Серль, Дж. Р.* Что такое речевой акт // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., Прогресс. С. 151–169.*
- Слинин 1994 — *Слинин, Я. А.* Реконструкция одной античной формулировки парадокса «Лжец» // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке Тезисы докладов. Санкт-Петербургский государственный университет. С. 33–35.*
- Смирнова 2009 — *Смирнова, Е. Д.* О чём говорят парадоксы: их роль в познавательной деятельности // *Вопросы философии. № 6. С. 55–66.*
- Фреге 2000 — *Фреге, Г.* Мысль. Логическое исследование // *Его же. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М., 2000.*
- Church 1956 — *Church, A.* Introduction to mathematical logic. Volume I. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Corcoran 2009 — *Corcoran, J.* Sentence, proposition, judgment, statement, and fact: speaking about the Written English used in logic // *The Many Sides of Logic / Ed. by W. Carnielli et al. College Publications.*
- Martin-Löf 1984 — *Martin-Löf, P.* Intuitionistic type theory: Notes by Giovanni Sambin of a series of lectures given in Padua, June 1980. Napoli: Bibliopolis.
- Martin-Löf 1996 — *Martin-Löf, P.* On the Meanings of the Logical Constants and the Justifications of the Logical Laws // *Nordic Journal of Philosophical Logic. Vol. 1, No. 1, pp. 11–60.*
- Searle 1969 — *Searle, J. R.* Speech acts. Cambridge University Press, 1969.
- Vanderveken 2004 — *Vanderveken, D.* Success, Satisfaction and Truth in Logic of Speech Acts and Formal Semantics // *Semantics: A Reader / Ed. by S. Davis and B. S. Gillon. Oxford.*